

УДК 94[(474.5)+(476)]

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ РАДЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Красинский И.В.

В статье рассмотрена проблема институционализации рады Великого Княжества Литовского на основе анализа юридических документов и повседневного делопроизводства княжества. В работе использовались такие документы, как привилеи, судебники, статуты, документы великокняжеской канцелярии (метрики) и др. Особое внимание уделено изучению практической институционализации рады, т.е. ее превращения в реально действующий орган власти. Автор рассмотрел этот процесс в различных аспектах, поставил под сомнение принятые в историографии рамки формирования рады как института государственной власти. Аргументированы положения о сложности институционализации, зависевшей от ряда обстоятельств и факторов внутренней и внешней политики, а также особенностей государственного строя, политической ситуации, административно-территориального деления, взаимодействия между центральными и местными политическими элитами Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, паны-Рада, институционализация, государственный строй, государственные институты, средневековые государства Восточной Европы.

INSTITUTIONALIZATION OF THE LITHUANIAN COUNCIL OF LORDS

Krasinski I.V.

The article deals with the problem of the Lithuanian Council of Lords institutionalization on the basis of the analysis of legal documents and everyday office work of the principality. The work used such documents as privilege (law), judicial records, statutes, documents of the Grand Duchy Chancellery (metrics), etc. Special attention is paid to the study of the practical institutionalization of the

Council, i.e. its transformation into a real functioning authority. The author examined this process in various aspects, questioned the framework of the Council formation as state power institution adopted in historiography. The author argues for the complexity of institutionalization, which depended on a number of domestic and foreign policy circumstances and factors, as well as the peculiarities of the state system, the political situation, administrative-territorial division, interaction between the central and local political elites of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Lithuanian Council of Lords, institutionalization, state system, state institutions, medieval states of Eastern Europe.

Институционализация представляет собой сложную стадию преобразования органа власти из формально действующего, или совещательного в реальную политическую силу, ограничивающую власть монарха. Рассматривая институционализацию паны-рады, мы должны понимать, что есть два ключевых аспекта, позволяющих выяснить ход этого процесса – юридический и практический. С точки зрения юридических изменений главными маркерами выступают документы, в которых фиксируются права и полномочия органа власти. В отношении паны-рады такими документами следует считать: общеземские привилегии (Виленский 1447 г., Виленский 1492 г., Гродненский 1506 г., Виленский 1563 г.); Судебник Казимира 1468 г.; Статуты Великого Княжества Литовского 1529 и 1566 гг. С точки зрения практического аспекта изменения в деятельности рады можно увидеть по другим источникам – грамотам, сеймовым постановлениям, письмам к панам-рады и от них, в переписках между монархами с другими субъектами международной коммуникации, а также в переписке центральных правительств различных государств. Помимо этого, косвенными сведениями о политическом влиянии определенного лица или коллегии могут выступать сведения о землевладениях, принятии тех или иных решений, характер общения между монархом и представителями великокняжеского совета, личность монарха и членов рады, общеполитический контекст и поведение различных политических сил.

Безусловно, время правления великого князя Казимира Ягеллончика стало пограничным периодом в истории Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Сами обстоятельства возведения этого монарха на великокняжеский престол свидетельствуют о возросшей роли великокняжеской рады. В белорусско-литовских летописях по Супрасльскому списку встречаем следующие сведения: «Рада же литовьская великого княжения, князи и панове и вся земля, дорадивъшися и взяша из Ляховъ Казимера королевича на великое княжение Литовское, и посадиша его со честью на стольнечьномъ граде на Вилне и на всеи Руской земли» [11, с. 60, л. 84]. Среди членов рады, участвовавших в избрании Казимира, были Юрий Гольшанский, Кезгайло, Ян Гаштольд, Николай Немирович и Кристин Остик. Таким образом, избрание монарха напрямую обозначенной в летописи радой является одним из маркеров идентификации статуса этого высшего органа как центрального института государственной власти.

Очевидно, что осмысление процесса институционализации рады должно происходить исходя из учета как юридических, так и практических аспектов ее деятельности, а также других органов власти (великий князь, вальный сейм). Было бы логично предположить, что институционализация рады Великого Княжества Литовского началась до периода правления Казимира Ягеллончика. Об этом свидетельствуют такие источники, как Городельский привилей 1413 г., привилей 1432 и 1434 гг., принятые Сигизмундом Кейстуовичем, возрастающее количество упоминаний представителей знати, связанных с двором великого князя литовского, а также общая тенденция изменений в государственном устройстве княжества. Между этим подчеркнем еще один момент, повлиявший на институционализацию рады – административно-территориальное деление Княжества с соответствующим высоким уровнем местного самоуправления. Считаем этот факт достаточным аргументом для оспаривания искусственной идеи существования абсолютной власти в ВКЛ во времена Витовта [5, с. 25]. Согласимся с Л. Корчак, которая оспорила влияние боярской думы на формирование рады, поскольку первая возникла лишь в

конце XV в. [17, с. 21]. Привилей 1413 г. способствовал зарождению землевладельческих династий, представители которых даже после ухода с исторической арены первого поколения продолжили играть значительную роль в жизни государства. Привилеи 1432 и 1434 гг. способствовали юридической легитимации православной шляхты, которая, даже не имея доступа к государственным должностям, оказывала воздействие на государственный строй и политические процессы. С приходом к власти великий князь Казимир издал общеземский привилей 1440 г., оригинал которого не сохранился до наших дней [15, с. 272, 248, 259, 270]. На этот документ есть ссылка в областном привилее Смоленску 1505 г. [1, с. 359-363]. Вероятно, он имел подтверждающий характер и повторял положения Городельского привилея 1413 г.

При великом князе Казимире сохранялись традиции, положенные принятием Городельского привилея. Так в том же Супрасльском списке сразу после избрания Казимира есть сведения о возвращении земельного владения в Мстиславле Юрию Лугвеновичу [11, с. 60, л. 84]. Как известно, этот князь во время гражданской войны 1432-1439 гг. выступил на стороне Свидригайло Ольгердовича и после поражения в битве под Вилькомиром был вынужден бежать в Великий Новгород, однако после смерти Сигизмунда Кейстutowича вернулся в ВКЛ. Этот князь имел большой авторитет в Смоленской земле. Его отец – Лугвен (Семен), сын великого князя Ольгерда, в свое время был князем Мстиславским и князем Новгородским, во время Грюнвальдской битвы возглавлял смоленские хоругви [5, с. 128]. Из этого следует следующее: во-первых, фактор происхождения и заслуг предков влияли на статус личности в государстве; во-вторых, возвращение Юрия Лугвеновича могло быть результатом усилий господствующих элит, которые вместе с ним строили политическую карьеру в 1420-1430-е гг.

Стоит отдельно остановиться на личности Казимира Ягеллончика, чтобы лучше понять вероятные причины институционализации рады в период его княжения. На момент восхождения на престол Казимиру было только 13 лет,

что говорит об отсутствии у него достаточного политического опыта и, соответственно, невозможности управления великой державой с уже довольно сильными позициями политических элит. Это обстоятельство раскрывало ряд направлений укрепления положения различных лиц, занимавших видное место при дворе. Так известный представитель рода Гаштольдов Ян Гаштольд, построивший карьеру в 1420-1430-е гг., занимая должности маршалка надворного, наместника Смоленского (1436-1440), воеводы Трокского (1440-1443) и Виленского (1443-1458) воспитывал юного монарха до его совершеннолетия, таким образом, являлся фактическим правителем княжества [16, р. 103]. Он неоднократно проявлял свое политическое влияние, например, по вопросу принятия Казимиром королевской короны Польши. После того, как трагически погиб король польский Владислав III Варнейчик, обострилась борьба по поводу преемника польского престола. В 1447 г. Казимир стал королем Польским, Ян Гаштольд перешел в оппозицию, однако при этом остался на посту воеводы Виленского до своей смерти в 1458 г. Это подчеркивает мысль о том, что политический опыт и влияние, а также учет традиций, положенных Витовтом и Ягайло, являлись ключевым фактором карьерного роста при Казимире.

Еще одной интересной влиятельной персоной великокняжеского двора Казимира был Петр Мантигердович (1390-1459). Как и Ян Гаштольд, в 1420-1430-е гг. он построил карьеру, будучи маршалком дворным (1422-1431), наместником Новогрудским (1431-1452), маршалком Великим Литовским (1434-1459). По всей вероятности, входил в состав рады еще при Сигизмунде Кейстуовиче, не утратил свой статус и при Казимире [3, с. 271]. Более того, при нем Новогрудская земля получила от Казимира привилей в 1440 г. [14, с. 142-145]. Любопытно, что текст Новогрудского привилея стал источником для принятия привилея 1447 г. [14; 4, с. 427-428]. Это свидетельствует о роли Петра Мантигердовича, в том числе, в законотворческом процессе, а также роли региональных политических элит в общегосударственном масштабе.

Первоначально из-за своего несовершеннолетия Казимир Ягеллончик обладал слабой властью и не мог контролировать все земли княжества. В первые десятилетия его правления наблюдались сепаратистские тенденции в различных наместничествах, что также является свидетельством мощи местных элит. Красноречивым примером можем отметить Смоленское восстание 1440-1442 гг., в результате которого из наместничества был изгнан Андрей Сакович: «И по Велице дни на святой недели в среду здумаша смолняне, черныя люди, кузнеци, кожемяки, перешевники, мясьники, котельники пана Андрѣя согнати силою с города, а целование переступили, и наредилися во изброи» [11, с. 60, л. 83-83 об.]. Принуждение присягнуть Казимиру закончилось безуспешно и вызвало бунт. Только подавление великокняжеской армией способствовало умиротворению Смоленской земли. Здесь также важно отметить роль вышеупомянутого Юрия Лугвена, который во время этих бунтов получил Полоцк, Витебск и Смоленск, однако был вынужден бежать в Москву с приходом войска великого князя.

Увеличение роли рады в жизни княжества прослеживается по разным источникам времен правления Казимира. В первые десятилетия великий князь раздавал жалованные грамоты и подтверждающие привилеи. При этом довольно часто присутствовали члены рады. В договорной грамоте между великим князем Казимиром и правителем молдавским последний обратился не только к великому князю, но и к «его паны и зь его радою Литовское земли, на што Казімір адказаў да малдаўскага манарха со всею нашою радою» [1, с. 53-54]. В конце документа приложены печати как великого князя, так и панов-рады. Давая жалованную грамоту Ализару Шиловичу на Мельницкую волость в Луцке, Казимир советуется «сь нашою верною радою» [1, с. 67-68]. Эти примеры многочисленны и подчеркивают изменения в повседневности великого князя. Историк Р. Петраускас подчеркнул, что во времена Казимира закрепилось понятие «рады ВКЛ» вместо «гаспадарскай рады» [13, с. 63].

Перечисленные выдержки из источников подчеркивают возросшее влияние не просто политической, а именно государственной элиты, т.е. лиц,

которые являлись активными деятелями, а не пассивными свидетелями решений князя. Помимо фактора младенчества Казимира стоит упомянуть, что по сравнению со своими предшественниками он чаще всего находился в Королевстве Польском (2/3 времени правления), что открывало новые возможности для политического роста аристократии княжества [8, с. 6]. Вышеперечисленные обстоятельства наряду с увеличением роли рады в жизни государства и с началом традиции вальных сеймов способствовали формированию нового понимания роли монарха. Глава государства – не просто владелец земельного фонда и полномочий во всех направлениях жизнедеятельности княжества, а должностное лицо, отвечавшее за выполнение конкретных задач, которое обязано было учитывать интересы политической элиты [2, с. 104].

Также важным фактором, ускорившим процесс институционализации рады, стала династическая политика Ягеллонов, направленная на установление и закрепление влияния в других регионах Европы. При Казимире велись активные переговоры с западноевропейскими государствами – Священной Римской империей, Папским престолом, усиливалось влияние Ягеллонов в Чехии и Венгрии. Все эти международные акции требовали определенных усилий, в результате которых рада, как коллективный и персонализированный орган власти стала господствующей политической силой в стране. Однако это не значит, что монарх был слабым, так как речь идет о доиндустриальном государстве с сильными консервативными позициями и влиянием традиций, среди которых монарх занимал первое место, хотя и не всегда все зависело от его политической воли или личного желания [см.: 18].

Принятие Виленского привилея 1447 г. стало первой попыткой систематизации общегосударственного законодательства [12, с. 58-61]. В документе отражены положения, которые касались не только представителей высшего сословия, но и мещанства. Принятие привилея обусловлено необходимостью отблагодарить вышеуказанных представителей элиты за службу государству, а также для фиксации существующих отношений как

образцовых для последующих поколений. По статье 1 подтверждались права всех представителей привилегированного сословия, которые были получены ими по Городельскому привилею [12, с. 58]. Нововведением стало упоминание мещанского сословия. Вероятно, это положение логически выходило из предыдущих десятилетий раздачи привилеев на Магдебургское право, которые способствовали развитию городского самоуправления. В статьях 2-3 видим положения, подтверждающие права духовных лиц [12, с. 58-59]. Следует учесть, что в статье 3 отмечалась важность назначения на вакантные места пастырей костелов исключительно из выходцев Великого Княжества Литовского. Это положение подчеркивало независимую политику рады, которая прослеживается в течение всего периода правления Казимира Ягеллончика. В статьях 4-5 отмечалось отсутствие наказаний элит за проступки, исключением из которых было оскорбление великокняжеской чести (маестату) [12, с. 59]. Значительная позиция с точки зрения прав аристократии прописана в статьях 7-9, в которых подтверждалось право на земельные владения, установленные Городельским привилеем 1413 г. [12, с. 59-60]. Интересный факт видим в статье 11, согласно которой феодалы были освобождены от уплаты налогов, зафиксированных в предыдущих привилеях, в частности, сребщины [12, с. 60]. В статьях 14-15 особое внимание уделялось необходимости сохранения территориальной целостности и государственного суверенитета, в том числе из-за запрета занятия государственных должностей выходцами из других государств [12, с. 61]. Таким образом, привилеями 1447 г. подтвердил ранее данные аристократии права, произошло освобождение от налогов, а также введен запрет на участие иностранцев в государственно-политической жизни княжества.

Юридическое закрепление прав знати Великого Княжества Литовского нашло отражение в источниках, подтверждающих практическую влияние представителей паны-рады как отдельно, так и коллективно во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом направлениях. Так в королевских грамотах Немиру Розановичу Казимир сделал большое вступление об

осмыслении заслуг этого пана и необходимости благодарности за них [1, с. 68]. В результате староста луцкий получил подтверждение на исключительные права пользования теми землями, которые приобрел еще при Витовте. При этом Казимир пошел на этот шаг не единодушно, а после того, как обдумал решение с паны-радой: «и мы подумавши съ нашими князьми и съ паны, съ нашою верною радою, дали есмо...» [1, с. 68]. В письме также перечислен список членов рады, среди которых были воевода Виленский Ян Гаштольд, воевода Трокский Манивид, воевода Новогрудский и маршалок земский Петр Мантыгердович, наместник Ковенский Судивой. Следует отметить, что Немира во время гражданской войны 1430-х гг. выступал на стороне Свидригайла, а будучи наместником луцким неоднократно стремился к самостоятельности своей земли, однако при этом права, наделенные ему при Витовте, все еще имели силу [1, с. 67].

Другие тексты жалованных грамот на земли также принимались при участии паны-рады. Например, грамотой 1455 г. Казимир Ягеллончик одобрил грамоту на вотчину Федору Львовичу Воротынскому и его потомкам [1, с. 70]. При этом присутствовали члены рады: епископ Виленский Николай Госкович, воевода Виленский Ян Гаштольд, маршалок земский Петр Мантыгердович, наместник Полоцкий Андрей Сакович, наместник Смоленский Михаил, канцлер Великий Литовский Михаил Кезгайло (в списке указаны как «канцлеръ нашъ» і «иные панове вси старшые») [1, с. 70]. В договорной грамоте молдавского государя Стефана III Великого к Казимиру Ягеллончику имеется обращение не только к великому князю Литовскому, но и к членам рады: «мы зъ нашими паны, радою нашою, и со всею землею нашою, взяли есмо прыязнь и едночъство зъ нашымъ старшымъ и милымъ прыятелемъ, зъ великимъ княземъ Казимеромъ, королевичомъ, Литовскимъ, Жомойтскимъ, Рускимъ и иныхъ земель, и зъ его паны и со всею его радою, и со всеми его землями, и со всею Литвою...» [1, с. 60-61]. Это говорит о том, что вопросы внешнеполитического ведомства княжества также решались при участии

членов рады, которых уже знали за рубежом и обращались к ним вместе с обращением к великому князю.

Таким образом, со времен Казимира фиксация свидетелей одобрения решений великого князя становится обычным делом. В документах отражены лица, занимавшие высшие должности в государстве – епископы Виленский и Трокский, воеводы Виленский и Трокский, маршалок земский, канцлер Великий Литовский, другие наместники, которые, исходя из их влияния и физического состояния, могли и хотели присутствовать на заседаниях с великим князем. Однако в документах не перечислялись все остальные лица, присутствовавшие при одобрении решений, указывался лишь факт их присутствия. Это не исключает того, что и остальные не могли влиять на поведение и действия великого князя. Также не стоит считать, что другие лица, которые потенциально должны были присутствовать, не входили в состав рады. Их отсутствие не является показателем их политического веса. Решение каждодневных задач и принятие решений великим князем вместе с радой зависели не только от значимости лиц из круга рады, а от физической возможности принятия участие в заседании. Чаще всего они происходили в столице Великого Княжества Литовского – Вильне, также в других крупных городах (Городня, Берестье, Троки, Новогородок и т.д.). Не каждый мог доехать вовремя на собрание панов-рады, как и великий князь Казимир Ягеллончик не всегда мог присутствовать на заседаниях рады, поскольку большую часть своей государственной жизни провел в Королевстве Польском [8, с. 6]. Это влияло на расширение прав и привилегий членов паны-рады, делало их центральным институтом государственной власти, известным не только в княжестве, но и за его пределами.

Важным этапом юридической институционализации рады стало принятие Судебника Казимира 1468 г. Очевидно, что в основном документ был посвящен судебным правам (виды преступлений, их наказания и т.д.), однако в нем есть важные маркеры, которые фиксировали роль членов рады в государстве. В преамбуле Судебника видим следующее: «...мы с князми и с паны радою

нашею Великого Княжства Литовскаго и со всем посполством погадавши и врядили есмо так» [4, с. 429-430]. Таким образом, принятие документа, направленного на систематизацию судебной сферы, происходило при участии панов-рады. Из статьи 12 видим участие рады в судебном разбирательстве: «а кому татя выдадутъ, а тот не всхочет его казнити, а усхочет на нем заплату побрати,... тот уже и с права выступил, а нам и с паны радою нашею Великого Князства Литовскаго о том погодав, как его казнити и исказнити его, будеть чого достоин» [4, с. 429]. Это значит, что решение о наказании преступника решала рада с великим князем.

Претензии членов рады на первое значение в государственной политике Великого Княжства Литовского за времена правления Казимира стали неоспоримыми [10, с. 115]. Они принимали участие в заседаниях рядом с великим князем, а когда он отсутствовал, решали все важнейшие вопросы самостоятельно. Также как центральный орган власти паны-рады хорошо знали, какой правитель им нужен. После смерти великого князя Казимира в 1492 г. началась очередная разгоряченная дискуссия по поводу преемника престола. Во главе с этой проблемой существовала угроза одобрения того кандидата, который бы способствовал польской аристократии и препятствовал осуществлению реальной власти панов-рады.

В результате споров королем Польским стал Ян I Ольбрахт, а великим князем Литовским – Александр Ягеллончик. В русле нашей темы важной представляется сама акция его избрания, которое стало возможным после принятия новым великим князем подтверждающего Виленского привилея 1492 г. [4, с. 433-435]. С одной стороны, принятие подобных документов было уже типичной традицией монархов ВКЛ за последние 50 лет. Как было ранее упомянуто, рецепция Городельского привилея состоялась в 1432, 1434, 1440 и 1447 гг. Однако, с другой стороны, привилей 1492 г. был не только документом, подтверждающим права господствующих элит, он закреплял права паны-рады во всех направлениях жизнедеятельности государства, которые не были отражены в предыдущих актах [6, с. 143]. Также видно, что

привилей Александра в два раза больше привилеев его предшественников и состоит из 33 статей, среди которых более половины фиксировали компетенцию рады.

В преамбуле привилея 1492 г. монарх традиционно обратился ко всем землевладельцам и мещанам княжества, среди которых на первое место ставились духовные и светские личности. Статьями 1-12, 16, 32 фактически были подтверждены права на земельные владения и иные привилегии, уточнены особенности судебных процессов и других вопросов, которые затрагивались в предыдущих привилеях [4, с. 433-435]. Начиная с 13 статьи, документ почти полностью посвящен закреплению компетенции паны-рады. Так в статье 13 шла речь об обязанности направлять послов для ведения общения с другими государствами по согласию с радой: «...мы абавязуем ся пасылаць веснікаў ці пасланцоў пры неадкладнай у гэтым неабходнасці, паводле рады нашых паноў, да замежных крат...» [4, с. 434]. Статья 14 раскрывала судебные полномочия рады, согласно которым «усе нарады і суды, якія мы з нашымі панами і раднымі вырашылі, ухвалілі і заключылі, ні з кім іншым абавязуем ся не змяняць, выпраўляць або перапарадкоўваць» [4, с. 434]. Обсуждение различных дел и будущих постановлений по статье 15 также происходило через передачу на рассмотрение панов-рады с великим князем. Согласно статье 17 «усе урады і дзяржавы, без нарады з нашымі раднымі нікому намі не будуць раздавацца», то есть одобрения на государственные должности также принимались при участии членов рады, а по статье 20 вакантные места на должности также должны были соглашаться с радой [4, с. 434-435]. Статья 18 отражает сохранение традиции продвижения на местные должности потомков поколения Городельского привилея [4, с. 434-435]. Особая роль отводилась Виленскому и Трокскому воеводам, которые «калі дзяржаўца, або намеснік (уладар) памрэ ў Віленскім ці Троцкім паветах... павінны імкнуцца, каб атрымаць і ўзяць дзяржавы» (арт. 19) [4, с. 435]. Непосредственные подтверждения прав панов-рады встречаются в отношении вопросов земельной собственности (ст. 22), одобрения различных повинностей

(ст. 23), судебных процессов различных категорий (ст. 24-29, 33) [4, с. 435]. Это значит, что привилей 1492 г. юридически зафиксировал статус паны-рады, деятельность которой приходилась на все сферы жизни Великого Княжества Литовского. В привилее также помещен перечень лиц, засвидетельствовавших его принятие. Среди них были епископ Виленский Альберт (Войцех), воевода Виленский и канцлер Великий Литовский Николай Радзивилл, воевода Трокский и маршалок Великий Литовский Петр Мантыгердович, маршалок дворный, каштелян Трокский и наместник Полоцкий Ян Юрьевич Заберезинский, староста Жемойтский Станислав Янович Кезгайло, князь Гольшанский и каштелян Виленский Александр Юрьевич Гольшанский и «іншыя вельмі многія дыгнітарыі, урадоўцы і дваране (прыдворныя) нашы, уласная рада гаспадара вялікага князя» [4, с. 435].

За времена княжения великого князя Александра вышеуказанные лица занимали центральные и главные должности, иногда, как видим, сочетали сразу несколько – общегосударственные и местные [9, с. 99]. Принятый Сигизмундом I Старым привилей 1506 г. в 8 статьях подтвердил все ранее принятые привилеи и грамоты, полномочия членов рады подчеркнуты в статье 7: «Мы не інакш будзем тлумачыць і дапасоўваць статуты і зацверджаныя і ўхваленныя да выканання старадаўня звычаі або ўноў укладзеныя і абвешчаныя і тыя, якія будуць упарадкаваны для агульнай выгады Рэчы Паспалітай (рэспублікі) нашай, як пасля грунтоўнага разважання і з ведама, нарады і згоды паноў рады нашых Вялікага Княства Літоўскага» [12, с. 87].

Таким образом, в результате событий, связанных с гражданской войной 1430-х гг., а также особенностей периода правления великого князя Казимира Ягеллончика были сформированы условия для институционализации паны-рады. В результате завершения гражданской войны именно рада избрала великим князем Казимира. В ежедневных делах и государственной жизни члены рады чаще фиксировались в документах как коллективный орган, советовавший великому князю те или иные решения. В большом количестве источников перечислялись различные лица, занимавшие главные должности в центральном

органе власти, а также другие влиятельные персоны, известные со времен Витовта. Во время правления Казимира рада стала влиятельной не только в княжестве, но и за его пределами. В переписках между великим князем Литовским и монархами или другими центральными органами власти соседних государств были обращения и к паны-раде. При этом, по мнению М.В. Довнар-Запольского, великий князь никогда не присылал письма маршалкам (кроме маршалков земских/великих) и придворным урядникам [7, с. 473, 477]. Также во времена Казимира политики первого поколения Городельского привилея переживали расцвет своих политических карьер, а их потомки постепенно стали занимать важнейшие места при дворе великого князя. Все это свидетельствует о практической институционализации рады, то есть преобразовании ее из совещательного и формального в реально действующий и влиятельный орган власти.

Юридическая фиксация институционализации произошла через принятие общеземских привилеев 1447, 1492, 1506 гг., Судебника 1468 г. и других общеземских и областных привилеев, которые подчеркивали значимость и влиятельность не только представителей государственной элиты, но и некоторых персон местной знати. Безусловно, их юридическую ценность нельзя переоценить, однако в практическом аспекте взаимоотношения паны-рады и великого князя были значительно сложнее и многограннее, что не позволяет нам убедительно утверждать те или иные рамки процесса институционализации или, напротив, говорить о формальности деятельности рады.

Список литературы:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. 432 с.

2. Бічун В.М. Аб проблемах централізацыі ўлады ў Вялікім Княстве Літоўскім і Кароне Польскай // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного

функцыянавання: матэрыялы міжнарод. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А.М. Абрамовича, Минск, 24-25 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: С.А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2019. С. 103-106.

3. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2006. 792 с.

4. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А-Я / Рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелЭн, 2010. 696 с.

5. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]; рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2008. 688 с.

6. Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира, 1885. 192 с.

7. Довнар-Запольский М.В. Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 10. С. 454-498.

8. Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Вып. 1. Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1904. 132 с.

9. Малиновский И.А. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой Древней России. Ч. 2: Рада Великого княжества Литовского. Вып. 2: (1492-1569). Томск: Типо-лит. Сибирск. т-ва печатного дела, 1912. 492 с.

10. Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV век. М.: Индрик, 2015. 712 с.

11. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 306 с.

12. Помнікі права Беларусі XIV-XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік / Дэпартамент па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Беларускі навукова-

даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. Мінск: БелНДІДАС, 2015. 384 с.

13. Пятраўскас Р. Літоўская знаць у канцы XIV-XV ст.: склад – структура – улада. Смаленск: Інбелкульт, 2014. 385 с.

14. Радаман А.А. Прывілей Новагародскай зямлі вялікага князя Казіміра Ягайлавіча 22.07.1440 г. як крыніца агульназемскага прывілея 1447 г. // Правовые системы: история и современность: материалы межвузовской научно-практической конференции, Минск, 5-6 января 2001 г. / [авт.-сост: В.И. Ермолович, В.А. Шелкопляс], ред. кол: В.А. Витушко и др.]. Мінск: БГЭУ, ООО «Асобны дах», 2001. С. 57-59.

15. Якубовский И.В. Земские привилегии Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. № 4, 6. 105 с.

16. Kiaupa, Z. The history of Lithuania: Before 1795 / Z. Kiaupa, J. Kiaupiene, A. Kuncevicus. Vilnius: Lithuanian Institute of History, 2000. 402 p.

17. Korczak, L. Litewska rada wielkoksiążęca w XV wieku. Kraków: nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1998. 119 s.

18. Petrauskas R. Litewski Jagiellończyk? Rządy Aleksandra Jagiellończyka w Wielkim Księstwie Litewskim, Jagiellonowie i ich świat. Dynastia królewska w drugiej połowie XV i w XVI wieku // *Studia Jagiellonica*. 2015. No 2. S. 197-209.

Сведения об авторе:

Красинский Иван Викторович – магистрант исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), учитель истории и обществоведения Ратомской средней школы (Ратомка, Беларусь).

Data about the author:

Krasinski Ivan Viktorovich – master's degree student of History Faculty, Belarusian State University (Minsk, Belarus); History and Social Studies Teacher of Ratomka Secondary School (Ratomka, Belarus).

E-mail: iankrasinski@gmail.com.